

Владимир Шадурский

Великий Новгород

ГОРОД КАК РОДНОЙ ДОМ В ПОВЕСТИ О СМЕРТИ МАРКА АЛДАНОВА

Повесть о смерти Марка Алданова – одно из менее изученных произведений писателя. Так сложилось, что полный текст *Повести о смерти* читатель смог прочесть только благодаря усилиям издателей уже после ухода Марка Александровича. И надо отдать им должное: текстологическая работа, объединение глав, опубликованных в «Новом журнале» в 1952–1953 годы, с главами в машинописных копиях из наследия Алданова (Бахметевский архив Колумбийского университета), претворились в замечательный текст. Данная повесть, на наш взгляд, пока не стала предметом серьезного исследования.

А потому нам особенно важен целый текст повести, ведь в ней Алданов, пожалуй, впервые так подробно написал о родном городе – о Киеве, который навсегда остался для него родным домом. Путешественнику-Алданову было с чем сравнивать родное место, но ни Петербург, ни Москва, ни Берлин, ни Париж не стали городами, которые пробуждали в прозаике поэта

По нашему мнению, Киев раскрывается писателем и как образ и как топос. Милое, родное с детства – здания, улицы, их названия, нравы, речь людей, история, кухня, культура – всё это объекты, формирующие топос Киева в произведении Алданова. Город становится и настоящим образом, почти действующим лицом в повести.

Находка Алданова в том, чтобы изобразить родной город в примечательное время: его жители воспринимают свою жизнь на фоне пушкинских героев, читают живого Гоголя, сталкиваются на улицах с убийцей Лермонтова, встречаются с Тургеневым,

переживают эпидемию и оказываются накануне европейских революций.

Начало своеобразной поэтизации Киева представлено Алдановым в первой части повести, во второй главе. Главу предвзряют слова Богдана Хмельницкого «Мій Київ...». А далее следует очерк жизни киевлян во время, когда городу в 1847 году очередной раз угрожает смерть – эпидемия холеры. Город, уже привыкший к страшным холерным испытаниям, как мог, оборонялся, боролся с бедою. Способы борьбы, старательно перечисленные повествователем, могут показаться современному читателю доисторическими и смешными. Но в том-то и дело, что люди во время этого ужаса находили возможности «бодриться»¹, что даже погребальные процессы направлялись туда, «откуда открывался изумительный вид на Днепр и заднепровскую даль»². Кажется, что и ужас смерти не может покорить этот город. Американский исследователь творчества так охарактеризовал изобразительную силу Алданова в этой главе: «...начиная с жестокого описания зловещей эпидемии холеры и продолжая восхитительно пластично, ярко изображать легкую беспечную сводную жизнь в старом красивом городе»³. Повествователь ведет читателя и по знаменитой киевской ярмарке, поспешившей сменить эпидемию. Рассказывает о сглаживании национальной розни, о человеческом восприятии политики, о том, как даже «вечные пожары» способствовали «украшению древнего города»⁴, о том, как менялся, обновлялся Киев. Он с удовольствием и в подробностях говорит о способах получения «золотого дождя», о спектаклях, которые ставятся в Киеве, и передает своё восхищение, как «весь необыкновенный по красоте город именно утопал в зелени»⁵. В повествовании о городе обозначаются приметы киевлян, представляется манера их передвижения, общения, питания

¹ М. Алданов, *Повесть о смерти*, [в:] М. Алданов. *Повесть о смерти*. Бред, Москва 1999, с. 34.

² Там же, с. 34.

³ С. Nicholas Lee, *The Novels of Mark Aleksandrovič Aldanov*, The Hague 1969, p. 288.

⁴ Там же, с. 36.

⁵ Там же, с. 37.

и приема трапезы, интересно, что повествователь перенимает точку зрения земляков, сопоставляя их привычки с привычками великороссов и даже своих соседей, которых, словно разграничивая народ Киева и прочих украинских земель, называет «малороссами». Интересно, что в этом этническом пафосе иронии подвергается даже Гоголь. Таким образом алдановский рассказчик отмечает преувеличение уроженца Полтавской губернии в описании кулинарных пристрастий своих провинциальных героев; он, «быть может, чуть злоупотреблял для *couleur locale* (местный колорит) разными галушечками и пампушечками в Малороссии; в Киеве, во всяком случае, гастрономия была более утонченная»⁶. Городские приличия, киевские привычки и словечки, модные оценки порождают целую стихию исключительных слов: «тресеница», «непейки», «Минерашки», «обмороки коловратности и Дидоны». Удивительно и то, что Киев оказывается притягательным и умиротворяющим, целебным городом, он способен видоизменить даже «злодея»: „По вечерам на гулянье в Минерашках почти всегда можно было увидеть осанистого человека в странном, похожем на халат, синем с золотым шитьем одеянии. На него, как на достопримечательность, киевляне показывали приезжим: „Да, тот самый: убийца Лермонтова!“ Лицо у Мартынова было скорбно-таинственное. Гулял он всегда с дамой тоже таинственного вида. В 1845 году Николай Мартынов женился на дочери киевского губернского предводителя Софье Проскур-Сущанской. Жена родила ему пятерых дочерей и шестерых сыновей”⁷.

Киев убеждает в своей прочности, благонадежности, патриархальности, верной домашности: „Быт был вековой, отстоявшийся, уютно-провинциальный, – такой быт, о котором с грустью и любовью позднее вспоминают люди, прожившие бурную жизнь”⁸. И, несмотря на то, что в городе уже появлялись искры будущего политического пожара, повествователь уверенно и восхищенно, совершенно лирично отзывается о любимом Киеве, славит его, даже приводя признания нелюбимых соседей-москалей: „В общем,

⁶ Там же, с. 38.

⁷ Там же, с. 39.

⁸ Там же, с. 39.

все любили Киев и с гордостью передавали слухи, будто император хочет сделать его третьей столицей. Охотно живали в нем великороссы. *Как хорош, как хорош Киев, как я люблю этот город!* – писал позднее Иван Аксаков⁹.

Эта глава, в которой изображены рука об руку идущие жизнь и смерть, получает свое продолжение в финале книги, когда читателю становится о заболевании холерой и неминуемой болезни несчастной жены Лейдена, Ольги Ивановны. По сути в ней воплощается образ Киева, но образ города дополняется образом дома конкретной семьи, проживающей в нем. И следующая, третья глава посвящена характеристике дома Лейденов, а потому топоним Киева приобретает еще и очертания образа дома.

Дом на Шелковичной улице, в котором проживала семья Лейденов, изображен внешне, представлен его интерьер. Но главное: мы узнаем, что хозяин дома, профессор университета св. Владимира, тяготился обычным течением благоустроенной жизни и был склонен к новому, даже к запретным делам и авантюрам, не случайно он обмолвится о себе: „Мой родственник по матери, Штааль, был, кажется, совершенный авантюрист”¹⁰. Еще одной приметой киевского топонима становится особое отношение к современной литературе и, конечно, гордость за Гоголя, показывающего успехи в России. Книгопродавец Тятенька не только знаком с творчеством создателя *Вечеров близ Диканьки*, но и внимательно следит за его судьбой. Потому совершенно естественным кажется, что по примеру Гоголя Алданов „...своих киевлян Лейденов уподобляет бессмертным Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне, но акцент переносит на изображение силы любви и на высокую нравственность персонажей”¹¹. И в образе Лейдена проступают черты гоголевского персонажа. Так, повествователь нам рассказывает о плане Лейдена, имеющем географическое сходство с местом воплощения плана Чичикова, с той лишь разницей, что Павел

⁹ Там же, с. 39.

¹⁰ Там же, с. 59.

¹¹ А. Чернышев, *С подлинным верно*, [в:] М. Алданов, *Повесть о смерти. Бред*, Москва 1999, с. 12.

Иванович задумал хитроумное финансовое мероприятие, а агроном Константин Платонович – хотел развивать земледелие: „Помещиком никогда не был, никаких крестьян не имел, но купил за бесценок много земли в Херсонской губернии для устройства больших садов и для новых культур... и в земледелии его интересовало только новое: что ж все рожь да пшеница!”¹². Лейдена в киевском обществе не любили, ощущали в нем “человека с заскоком”, и „после успеха *Мертвых душ* шутники называли Константина Платоновича «херсонским помещиком»”¹³. В других эпизодах повести друг семьи Лейденов Тятенька в шутку отзывается о Лейдене, неоднократно соотнеся его философствования с многоречивыми высказываниями другого гоголевского персонажа: „Утренним завтраком он интересовался куда больше, чем обедом. *Почему люди постоянно меняют карту обеда, а утренний завтрак у них всегда один и тот же?* – спрашивал он гастронома Тятеньку. *Этот ты спроси у Кифы Мокиевича,* – неизменно отвечал Тятенька”¹⁴. Ирония друга в отношении неуёмно разговорчивого профессора раскрывает не только улыбку по поводу нелепых умствований, но и показывает утонченную речь человека, читающего современные книжные новинки (первый том *Мертвых душ* издан в 1842 году), живущего образами Гоголя. Несколькими предложениями ниже мы узнаем, что тот самый ученый Лейден не щадя сил своих, в отличие от других киевлян, проводит вечера за чтением Гегеля, по словам Тятеньки, „пропавшего от холеры”¹⁵. Тем самым мы получаем детальные характеристики топоса Киева – города-дома, в котором живут приветливые незлобивые жизнерадостные люди, умеющие ужиться с выпадающими на их долю испытаниями, умеющие радоваться жизни, быть культурными и образованными, домовитыми и семейными.

Образ дома Лейденов не кажется каким-то оригинальным именно потому, что его хозяева – киевляне. Другое дело, каким

¹² М. Алданов, *Повесть о смерти...*, с. 42.

¹³ Там же, с. 43.

¹⁴ Там же, с. 45.

¹⁵ Там же, с. 45.

может быть дом некиевлянина. Таким чужаком, армянином, столь долго живущем в Киеве, что его имени-отчества и фамилии уже и не припомнят, оказывается образованный купец Тятенька. Его дом, дом старого холостяка с богатой биографией, – в первой части повести изображается скромным и почти незначительным. Скромным как во внешнем облике, так и во внутреннем убранстве. Пристанище Тятеньки находилось „в подольной части города, недалеко от Днепра. Дом был всего в четыре комнаты, но тоже с садом, двором, беседкой, конюшней и сараем. На всех восьми окнах стояли горшки и цветами, покрытые кисейными занавесками. Полы были некрашенные, ковры рваные и дешевые; обои, не наклеенные, а прибитые гвоздями, кое-где углом отваливались вниз. Тятенька легко мог бы иметь то, что было у других: не очень дорогую обстановку, сносно подделывающуюся под дорогую. Но это его не интересовало, и ему и думать не хотелось о покупках, ремонте, чистке, переделках”¹⁶. Для Алданова совершенно обычен способ представления персонажа после знакомства с его жилищем, с его привычками, культурой быта. Из повествования мы узнаем, что Тятенька гостеприимен, любит старинную дорогую посуду. Читатель узнает о хлебосольных правилах Тятеньки, об умении принимать гостей, об особом пиетете к гастрономии. Алданов изображает пристрастия своего персонажа почти гоголевскими средствами – перечислением яств и разнообразных кушаний, но в этом гимне обеду не видно гипербол: „Вставал он с рассветом, выпивал несколько огромных чашек кофе, варившегося „по-польски” в молоке, съедал густо намазанную маслом булку в фунт весом. В десять часов завтракал, еду предпочитал простую, – подавались ветчина, икра, гусиный полоток, борщ с сушеными карасями, зразы с кашей или жаркое по-гусарски, сочни с сыром и сметаной, а к ним кальмусовка, брусиловский гольдвассер, старый мед. В два часа он обедал еще гораздо плотнее... Днем пил чай с бутербродами, паштетами, бабками. Вечером ужинал в гостях „как Бог пошлет”, но бывал он обычно в таких домах, где Бог посылал хороший ужин”¹⁷. Но Тятенька редко пользуется своим домом по назначе-

¹⁶ Там же, с. 54.

¹⁷ Там же, с. 54.

нию, так как большую часть времени проводит в доме Лейденов. Душа его не замыкается на жизни в собственном доме, она полна тяготением к искусству: картинам, книгам, скульптурам, которые он смотрит на выставках в разных городах. Забавно, что последняя занятость – продажа книг – помогала Тятеньке держать на Крещатике что-то вроде филиала своего дома: кабинет для чтения под красивым названием «Аптека души». Именно на этом фоне повествователь сообщает, что Тятенька обладает взвешенными оценками, прекрасными познаниями в литературе и даже «патриотичным» выбором, вот как он отзываясь о Бальзаке: „Легкомысленный человек. Нет, он с твоим Пушкиным равнозначителен: первый сорт из второго сорта. Настоящий гений – Гоголь. Он их всех гораздо превосходнее”¹⁸. В образе Тятеньки – не только воплощение жизнелюба, в нем черты человека, многое понимающего, но не одержимого разьедающими мыслями, человека деятельного, нашедшего себя в работе и общении с приятными людьми, в заботе о них. Наверное, именно потому его верный холостяцкий дом в финале повести приводится как пример моральной константы.

Но в том-то и особенность изображения Киева, что он оказывается городом, покинутым Алдановым и городом, на время покинутым его героем – Лейденом.

Находясь в южных путешествиях по своему капризу, поддавшись запретной страсти, Лейден не раз испытывал чувство стыда и желание вернуться в родной дом, спасти свою совесть: „Какой я Би-Шар? Просто развратный киевский старичок. Давно пора вернуться на Шелковичную улицу, там лежать на полатах, как говорит Тятенька, вести с Тятенькой ученые разговоры, слушать его осточертевшие шуточки и цитаты, изображать нежную любовь к Оле и Лиле...”¹⁹.

Лейдену суждено вернуться не в тот радушный Киев, который он оставил ради сомнительных приключений в Константинополе и Флоренции, а в город, который будет надломлен эпидемией, в дом, в котором умерла любившая его жена. Эмигранту-Алданову не суждено будет вернуться в родной город, посмотреть на Днепр,

¹⁸ Там же, с. 64.

¹⁹ Там же, с. 210.

новые здания и тот университет, который он когда-то окончил, университет, в котором работал Лейден. Для Лейдена Киев предстает как образ дома покинувшего страну скитальца. Таким образом, город Алданова – воспоминание, а топоним алдановского Киева – это реконструкция, воссоздание по памяти и документам, по языку и литературе.

Своеобразным символом возвращения на круги своя, но отнюдь не символом возвращения блудного сына, становится киевский дом Тятедьки. Умерла от холеры Ольга Ивановна, вернулся после злополучных скитаний Лейден, возвратились, сумев уберечься от эпидемии, Тятедька и Лилия. В опустевшем без жены, навещенном смертью доме пока не может прижиться Константин Платонович, его совесть не чиста. Но совсем другое дело – Тятедька, который когда-то, обожая Лилию, шутливо оберегал ее от лермонтовских фантазий глупого замужества и дразнил: „Нет, Лиленька, за Демона ты вряд ли выйдешь, – говорил он. – У нас в Киеве помещики есть, чиновники есть, врачи есть, а Демона, как на беду, ни одного! Ах, как жаль!»²⁰. Только что Тятедька спас Лилию от смерти, а теперь пытается примирить семью Лейденов с утратой, но сначала возвращается к основе своего быта и бытия: «Ему очень хотелось поскорее вернуться в свой домик, в котором перины были чуть не до потолка, а погреба, шкапы, кладовые ломались от бутылок, варений, солений... Он с удовлетворением чувствовал, что опять началась тихая, устоявшаяся жизнь: уютный, киевский быт, где ничто никогда не изменится, не может измениться и не должно: „Так было верно при Кие, при Оскольде, так будет и через пятьсот лет, и слава Богу!.. Сделаю всё, чтобы они утешились поскорее. Они мне теперь, особенно Лилия, самые близкие люди на земле»²¹.

Примечательно, что в финале повести для других персонажей Киев раскрывается чужим городом, непонятным, хотя по-прежнему восхищающим. Алдановский повествователь, опираясь на воспоминания и письма, так характеризует его восприятие: так, Бальзак заболел в Киеве, но перед этим „киевский бал поразил своим

²⁰ Там же, с. 76.

²¹ Там же, с. 363.

великолепием этого парижанина. – *Вы не знаете, – писал он сестре, – что такое дамские туалеты в России; это выше, гораздо выше всего того, что можно увидеть в Париже.* Сообщал, что для мазурки разрезали платок, стоивший больше пятисот франков”²².

Интересно, как себя в алдановской повести проявляет лексика с корнем «дом». Частота упоминания слов с корнем дом в повести разная, но больше всего таких упоминаний приходится на самое начало повести, на первую часть, а именно: на вторую главу – 8, на третью – 10, пятую главу, посвященную Тятеньке, колоритному патриархальному персонажу – 8, седьмую главу, рассказывающую о дочери Лейденов, Лиле – 10. Последующие главы не отличаются такой частотой, хотя слово «дом» в них встречается не единожды. Очевидно, что лексема дом чаще всего используется именно в связи с главными персонажами повести, а образ дома важен Алданову для создания впечатления о желанном патриархальном спокойствии.

Отметим, что, навсегда покинув родной Киев еще во время Первой мировой войны, Алданов лишился дома, который впоследствии не смог ни построить, ни приобрести, ни обустроить. Для него, вечного изгнанника, тоска по былому уюту, по очагу семьи, по колыбели своей культуры и образованности стала одним из пронзительных мотивов творчества. Но именно в произведении, полном страшного умирания (а умирают здесь любимые герои писателя: историческое лицо – Бальзак и вымышленный персонаж – Ольга Ивановна), боль по родному дому, воплощенному в нескольких образах и переданному в топосе Киева, оказалась представлена в самых живых, лирических картинах.

²² Там же, с. 399.

Библиография

Алданов М., *Повесть о смерти. Бред*, Москва 1999, 696 с.

Чернышев А., «С подлинным верно», [в:] М. Алданов, *Повесть о смерти. Бред*, Москва 1999, с. 5-22.

Nicholas Lee C., *The Novels of Mark Aleksandrovič Aldanov*, The Hague 1969, p. 389.

SUMMARY

The city as the native home in *A Story about death* of Mark Aldanov

This article treats an image of the native home in *A Story about death* of Mark Aldanov. Among issues discussed are topos of the Kiev, its structure, and also two images of houses in the story. Value of images is revealed in connection with development of a plot. In addition, the specific point of view of Mark Aldanov on the image of the native home is elaborated.

Keywords: city, house, Kiev, image, topos, Mark Aldanov